

Эвелина ШАЦ Подношение Хлебникову

"Операция "Ладомир", 19 подношений итальянских художников Хлебникову, перевернула вверх тормашками (в любом случае, рано или поздно, все этим бы и кончилось) издательство "Эль Багатт" в Бергамо. Это небольшое издательское дело принадлежало одному слегка ненормальному художнику, некоему Клаудио Гранароли, который в течение многих лет упорствовал в поисках своего финансового краха, бесплатно публикуя поэтов. Этот бедолага, пораженный неотразимой идеей одного из своих авторов, поэта Эвелины Шац, опубликовать стихи Велимира Хлебникова, пустился в поиски типографии, которая бы отпечатала офорты художников к стихам. Нашел типографию, отличного печатника-героинмана (ему помогала маленькая Гарпия, которая

через некоторое время выкупила уже находящееся в агонии из-за крупных расходов на офорты издательство), осуществив таким образом "блестящую" издательскую операцию. Как говорит старая народная пословица, "и из дерьма можно вырастить прекрасный цветок".

А что же дальше? "Операция "Ладомир" перевернула вверх тормашками не только жизнь издательства, но и Эвелины. 19 драгоценных альбомов выставлялись по всей Италии, затем в 2000 году в Литературном музее в Москве и в Музее Хлебникова в Астрахани. А в 2010 году была тем творческим узлом, вокруг которого развернулся I международный фестиваль в Москве и других городах России и Украины "Приношение Велимиру", отметивший 125 лет со дня рождения поэта.

А Эвелина со времен "Эль Багатта" продолжает свой проект прямым приношением Хлебникову. Выставки, ему посвященные, в России и в Италии, во многих городах, с её подачи. Переводы. Дюжина стихов, ему посвященных, несколько статей и публикаций. Книжки-объекты. Мультимедийный проект "Ладомир" в Европейском институте дизайна в Милане, там же студия её сына Еудже-нио Альберти Шац "LADOMIR". И, наконец, её мини-издательство "caff?LADOMIR".

Но и она получила свои приношения от поэта, с которым у неё загадочная связь. В Одессе он останавливался на Белинского, 6, где родилась Эвелина. А в Москве она живёт на Брянской, 2, где жил Май Митурич, с которым она дружила, а сейчас в его мастерской работает Вера Хлебникова, талант-

ливая продолжательница славного рода. Их книги художника порой так же загадочно встречаются на выставках. Что нашептывают они друг другу?

Степистость чисел

вариации

Хлебников
суть
степь
число
расстояния
разметать
разность
Великая степь
есть
Велимир
век
хлеб
число
мир

у Велимира
степь — расстояние
степь Великая
древняя ст?пистость
принадлежность ей
знака кочевья
Велимир суть число
а число, что век

чисел познание —
имярека гадание

1996 — 2007.

Как Улуг-бека голова
слова катились
по линии секстанта вниз
и звёздами дробились
и неба дробь
стучала беспокойством
и хлопком пах халат
где сердце Азии в обхват России,
идущей в небо Хлебникова

1992.

и Велимировым пределом синим
замиравшей, в набат стучало

1989.

Молилась Богу следующего века
Всегда обитала всякие времена
Вёрсты неслись
как прерии вестерна

Под копытами скачущего коня.
Стекались истории и пути
В пространство тесное

киноленты.
Синтез был совсем не простым
Цена была в беспощадной монете:
Жить, а не просто так выживать
После каждой констатации смерти.

1996 с итальянского 2013.

TRATTATELLO 92

Когда не умирают люди, когда не идёт война, останавливаются часы любви. Тогда наступает русское время: ничего-никто-никуда. Как серебряная паутина мостов, оно встаёт над бесконечной равниной. Пешеходов не видно, и нет фонарей, и часы разливаются предметностью Сальватора Дали, и последняя капля красной крови рвётся в Чёрную Дыру, поглощающую незащищённое пространство, обделённое временем или от него освобождённое. Не есть ли это выход в антимир, где не существует чумы-творения, и бешеная температура любви и страсти, воли к памяти и цвету становится комнатной и приобретает цвет неосвещённого подвала или в лучшем случае

чердака, откуда давно уже вывезли воспоминания детства, не оставив и следа от поисков потерянного времени, где ветхие книги о кораблях не пахнут даже плесенью, а от мясницкой бутафории несёт засушенными клопами.

У чумы — цвет потрясения, он отдаёт сознанием ужаса и великолепия конца. Конец — как Барокко, как тяжёлая парча. Драпировка её — геологические складки творения мира: в них нет и следа утопии. Утопия прекрасна, как война: она жаждет крови. Живительная лимфа. Книга о красном цвете пишется человечеством до самого ухода сознания в чёрное: ноль цвета над вечным покоем. Не вечной остаётся только любовь — камень преткновения преходящего времени или, скорее, канат, по которому на пуантах смысл проходит, как акробат над городской площадью, на высоте шпильей готических соборов мира. Они устремляются в ноосферу. Она не суть антипространство. Высота складывается из чистоты и сини, пронизанных золотыми двупальными лучами вдохновения Хлебникова и... Эхнатона.

Когда они умирают

Когда умирают деревья
падают листья
Когда умирают звери
дыхание их тяжело глохнет
Когда умирают верблюды
их оплакивают
как корабли пустыни
путь которых не знал зачина
и конца

Когда умирают корабли
их на куски растаскивают
по антикварным лавкам
Когда умирают автомобили
их пускают на металлолом
чтоб затем переплавить
на металл

Когда умирают статуи
они теряют руки
и земля заглатывает их

Когда умирают чувства
слова становятся
несправедливыми
или вовсе напрасными

Когда умирают люди
остаются воспоминания
которые выцветают
со временем
как старые фотографии
некоторые однако обладают
диковинным свойством
воскрешения

Когда умирают солнца
наступает закат души
и долгая неизведанная ночь
творения?
так замирает жизнь

1983 с итальянского 2013.

квази хайку

ведь нет вообще таких
как Хлебников
он Ад вобрал в себя
и просто не-был
а небом встал

2005.

Под свист безумных звёзд

Но я хочу, чтобы, когда я
трепещу,
общий трепет приобщился
вселенной.
В. Хлебников.

В пространствах многообразных
Кочевье королевское
поэтов-дервишей
Так небеса их песней
насыщаются
И разбегаются куда глаза глядят
Галактики под свист
безумных звёзд
Их хоровод и весел и трагичен
И небо опрокинутое вспять
Эпичностью мерцают

2008.

Тень в ночи или так множится Я

трехпостасная тень надмирия
— что есть быстрее тени
на свете —
в архаическом
змеягорыныча мире
удушающая вертикаль
бесстепья —
на трехбуквии — красный снег.
Тень обливается снегом и рдеет
— что есть быстрее тени
в степи —
бежит по *здесь-и-сейчас*
быстротечному
бьётся как серая рыба в сети
а далеко, в том Далекко!

в неба размах
красная тени тень бьётся,
тревожно тцась
выпрыгнуть из бесстепья
кофейного
падает в чёрные яры-овраги
по бездорожью сеет следы
трёхмерно мчит
в пропасти-ады:

Книга, любовь, война —
творящая Trinita?
Экрана самоцветие —
серо-чёрная мира дыра.
Чёрная ночь Отсутствия
трёхглазие разворачивает
фонтанами многоцифрия.
Так возбуждается будущее.
Так множится Я.
Надмирия многоцветие —
его колыбель и семья.

Небо над степью капает
красными звёздами Ада

2008.

Под сенью бирюзовой Исфахана

как птица хохлился поэт
одетый в оперенье серое
задумчив был как аист он
безумен как число

глаза — каспийский пейзаж —
голубизну Беллини льют
в персидские моря — босой
верблюда морда знать мудра
у дервиша, у гуль-мулла.
Так Персия
пылила синью изразцовый
под сенью бирюзовой
Исфахана
и неба зауши голубизной.
При этом пылая красным
— цвет граната —
и Параджанова мечтой

2009.

Голубое вино Велимира

Чураясь дня, чаруй
чарой голубого вина меня
В. Хлебников.

На необитаемом острове
— да есть ли он?
безгрешен сон
— да бывает ли он таким?
Фрейд устарел.
Поэты впрочем тоже
остался сон-поэт
иль сна поэзия двулика
ведь Мандельштама
огромную бессоницу
не зачеркнуть
и сны бывают похожие
на обморок.
Мой сон — сон-гул
а вовсе не поэма. Иногда кино
а как хотелось бы ночами пить
внезапно голубое
велимирово вино

2009.

Смыслы другого порядка

ты звезда для меня.
Угол моего угла
верен. Я разбиваюсь
о камни чужие
они не умеют и вовсе
смеяться.
Я всегда — слух
не только тогда, когда
трудно было тебе
умирать
угол сердца моего
всегда верен тебе
в мире смыслов
другого порядка

2009.

Когда он миру открывал

Где жжется рукопись,
где яростно живется
на Хлебникове и воде
Александр Кабанов.

он с облака сорвался
и гладил по головке
Млечный путь
и Боги были ему братья
когда он миру открывал
внезапно умные объятия.

В прозрачном будущем
терялось чувство времени
а он на палубе стоял
предвидения пространства
и лошадей пытался этому учить
"чертой обратности событий"
он слово превратил в число
и воплотил почин забвения себя
идя путём себе лишь ведомым
и пыльным черепом тоскуя
по здоровой морде
дервиша-верблюда
с персидских берегов
хазарских вод

2010.

На зов степи

он шёл "по солнцу"
как Разин наизнанку из Заволжья
иль дервиш
старообрядной чистоты
оттуда в утопическое завтра
устремлённый
его на то сподвигла
языческая задумчивая удаль
оксиморон? да, нет, пожалуй
тальвеги перекаты плёс
и даль равнинная, и как утёс
полынным жаром опалён
он степью как калмык влеком
стихом на зов степи заколосился
— загадочное шаманье
бормотанье —
и небом утомлённым отразился

2013.

Одесский меридиан Жене Голубовскому

Солнца, когда они любят,
Одевающие ночи тканью
из земель
И шествующие с пляской к
своему другу
В. Хлебников.

на Белинского 6,
где живал Велимир
родилась я нежданно нежданно
это голос одесских небес
отражения
в нём каштанов насмешливый
шёпот
и таинственный знак провидения.
я бегу по степи,
что размашисто мчит
от лиманов до Астрахани,
где Аист стоит
волны трав как трансляция
вязкого ля
древним всадникам-звукам
степным-кочевым
так ризома поёт голубое вино
Велимира — в нём
трепет Вселенной
я за солнцем к нему
в кочевую юдоль
ждёт он друга,
что любит как солнце
на Белинского 6 начался этот бег
он не знает ни меры, ни времени
так бегут звери, солнца
и мерины, так бегут
землежителю, Боги и люди,
когда они любят

2013.